

шолтфа

А.Ф.Гуцал

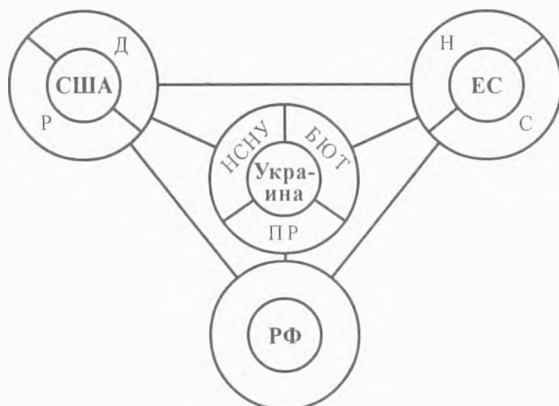
УКРАИНА И МИР В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПОТОКАХ

- Понимаешь, что происходит?
- Могу объяснить.
- Объяснить я и сам могу, я интересуюсь, понимаешь ли ты.

(Из диалога философа
и политконсультанта)

Деятельность научно-экспертного сообщества, все больше сползает в русло рисования идеальных картин желаемого будущего или эмоционального реагирования по поводу непрезентабельного настоящего. Является ли это следствием активности политиков и политконсультантов или давней марксистской традиции, в соответствии с которой мир важнее преобразовывать, а не объяснять, – вопрос праздный. Важнее восполнить возникающие пробелы и попытаться понять, что же с нами происходит, в чём коренятся причины, определяющие характер внешней политики Украины, прежде всего в русле ее отношений с Россией. А для этого необходимо рассмотреть систему отношений Украины со всеми ключевыми мировыми игроками в контексте мировых интеграционных процессов.

Одна из характерных черт современного украинского социума и государства – **тотальная открытость**. Похоже, стремление войти в мировое сообщество является одним из сакраментальных желаний украинцев. А потому чрезвычайно важно учитывать специфику международной среды, вписанность страны в геостратегический треугольник «Россия – Европейский Союз – США» (см. рисунок).

В свою очередь, для глубокого анализа двусторонних отношений между элементами предложенной конструкции необходимо принимать во внимание как геостратегическую мощь, которой они обладают, так и внутреннюю дифференциацию – наличие влиятельных политических сил и блоков, имеющих различные внешнеполитические предпочтения. Так, в США демократы (д) и республиканцы (р) отличаются своим отношением к ЕС и России. В Европейском Союзе «старая» (с) и «новая» (н) Европа разделились в своих позициях относительно США и России. В свою очередь, Россия, выступая целостным внешнеполитическим субъектом, свою политику все же выстраивает ситуативно, ориентируясь на корпоративные интересы приближенных финансово-политических групп (сегодня это ТЭК), балансируя между «старой» Европой и США, при этом подключая к системе балансов особые отношения с Китаем, Индией, арабским миром и широкие возможности эффективно влиять на решение глобальных мировых проблем, таких, как энергообеспечение или борьба с мировым терроризмом.

Украинский же политикум в результате последних парламентских выборов олицетворяют три наиболее крупные политические силы (Народный Союз «Наша Украина», Блок Юлии Тимошенко, Партия Регионов), внешнеполитические ориентации которых достаточно рельефно обозначены, хотя и претерпевают определенные тактические изменения. Более того, общество регионально раскололось в своем предрасположении к Западу и Востоку. Вследствие такой расстановки ситуация в Украине существенно зависит от взаимоотношений между ведущими мировыми и региональными силами, а страна оказалась своеобразным **международным «резонатором»** – она чутко и экзальтированно реагирует на происходящее в мире и активно выражает свои эмоции вовне. Вследствие этого, а также низкого уровня субъектности в международных делах, Украина является удобным объектом, относительно которого выясняют отношения не только ключевые мировые акторы (прежде всего США и Россия), но и отдельные влиятельные политические силы и корпоративные структуры внутри каждой из них.

Императивы интеграции

Сфера особого интереса – **мировые интеграционные процессы**. Именно они определяют сущность международной жизни и выбор значительным числом суверенных стран вектора своей внешней политики и модели социального развития.

Для понимания пути, по которому движется мир, необходимо обратиться к историческим аналогам, поскольку коллективные процессы актуализируются в мировой истории с определенной **периодичностью**. На планете происходят объединительные процессы, аналогичные тем, что наблюдались в 60-х годах XIX столетия и частично в 30-х годах прошлого века. В частности, отмечаются явления, которые Хосе Ортега-и-Гассет означил как «**восстание масс**», а Серж Московичи – как «**эпоху толп**». Принципиальная разница в сравнении с 30-ми заключается в том,

что коллективные усилия сегодня направлены не вовне (на завоевание и присоединение территорий), а вглубь сообществ – приоритетно на развитие взаимосвязей, формирование сложных структур и систем «нового мирового порядка», глобальных сетей транснациональных корпораций, организованной преступности, терроризма и пр.

Синтез Нового миропорядка требует соответствующего «строительного материала». Но из-за ограниченности ресурсов его можно «добыть» в основном только в результате развала компонентов Старого мира. Таким образом, **процессы интеграции и дезинтеграции взаимно связаны.**

В частности, ЕС и НАТО получили существенный толчок для расширенного развития именно после начала развала «системы социализма». Последующий процесс развала Югославии, который сегодня продолжается в русле получения независимости Черногорией и неизбежной суверенизации Косово, стал закономерным этапом формирования Новой Европы. В этом свете становятся более понятны причины дальнейшей деградации такой «безобидной» для постсоветского пространства международной организации как СНГ.

В этом же контексте **«террористическое сообщество» сегодня выступает как системная сила мировой дезинтеграции.** Однако результирующей его деятельности является не только разрушение Старого мира, но и активное стимулирование формирования Нового миропорядка (именно 11 сентября подтолкнуло США на этот путь) и «освобождения» геополитических пространств, на которых удобно его выстраивать (характерный тому пример – постталибский Афганистан, к этому движется Ирак, так называемые «failed states»).

Соответствующим образом и мир в целом, и отдельные страны, союзы, сообщества и элиты в частности, «раскололись» в своих акцентуациях и предпочтениях (в основном эмоционально окрашенных) относительно возникающего и развивающегося Нового (ориентированного на интеграцию) и трансформирующегося Старого (традиционного, подвергающегося деконструкции и фрагментации). Всюду есть свои «интеграторы» и свои «дезинтеграторы».

В этих условиях значительная часть национальных элит на постсоветском пространстве оказалась не только расколотой, но и дезориентированной. Одна часть по инерции еще продолжает жить и действовать, руководствуясь стремлениями остановить дезинтеграционные процессы. Большинство в русле «Вестфальского миропорядка» направляет свои усилия на развитие национальных суверенитетов и формирование национальных идентичностей. В эволюционном контексте для молодых наций это закономерный и крайне необходимый этап их развития. Однако при прохождении его традиционным путем вне глобализационного и регионального контекстов это чревато для молодых государств серьезными испытаниями и особыми цивилизационными перспектив не обещает.

В результате на всех уровнях и во всех сферах деятельности, в т. ч. и внешнеполитической, наблюдается разнообразие ориентиров, проявля-

ний, оценок. США, ЕС, НАТО, Россия приоритетно смотрят на мир сквозь призму развития интеграционных процессов, новые независимые государства – с точки зрения защиты национальных интересов. Для того, чтобы анализировать и оценивать решение или действия мировых и национальных акторов, целесообразно учитывать как их национальный потенциал, так и место в мировой табели о рангах.

В формирующемся Новом глобальном миропорядке проявляется своя **иерархия**. Глобальными приоритетами являются свобода финансовых потоков и торговых операций, неограниченность массовой коммуникации и информационного обмена, свобода слова, права человека, либерально-демократические основы политической жизни, борьба с новыми глобальными вызовами и угрозами (международным терроризмом и организованной преступностью, природными катаклизмами и техногенными катастрофами, пандемиями смертельных болезней, глобальным распространением наркотиков и т. п.).

Процессы глобализации приобретают и свои институциональные формы. Западные интеллектуалы уже обозначили этот новый мировой порядок как **Империю**. Майкл Хардт и Антонио Негри очень точно подметили, что *«вместе с глобальным рынком и глобальным оборотом производства возник глобальный порядок, новая логика и структура управления – короче говоря, новая форма суверенитета. Империя есть политический субъект, который эффективно регулирует эти глобальные обмены, суверенная власть, которая правит миром»*¹.

Из характерных особенностей Империи Хардта и Негри особенно хотелось бы подчеркнуть:

- **трансграничность** как *«утверждение системы пространственной всеобщности, а по сути власти над всем «цивилизованным» миром»*. Вследствие этого в системе «цивилизованных» ценностей национальные границы перестают играть сакральную роль и становятся только технологическим средством реализации определенных функций, как то – фильтрации миграционных или товарных потоков;
- **глобальный порядок**, *«... который на деле исключает ход истории и таким образом навсегда закрепляет существующее положение вещей»* (своеобразное олицетворение «конца истории», которым пугал Ф. Фукуяма);
- **тотальный контроль** над общественной жизнью в его целостности – *«владычество Империи распространяется на все уровни социального порядка... Империя не только управляет территориями и населением, она создает тот мир, в котором живет. Она не только регулирует отношения между людьми, но также стремится к непосредственному овладению человеческой природой... Империя представляет собой совершенную форму биовласти»*;
- **идею Империи**, которая *«неизменно обращена к миру, вечному и общему миру за пределами истории»*. *«Империя создается не*

¹ Хардт М.,
Негри А.
Империя. – М.,
2004.

только на основе одной лишь силы, но и на основе способности представить эту силу залогом права и мира». При этом право на вмешательство оправдывается неотъемлемыми ценностями справедливости.

Именно такой «американизированный» миропорядок проецируется на глобализирующийся мир, в него втягивают и в нем существуют другие страны, альянсы и коалиции. В частности, этот порядок сегодня лежит в основе Северо-Атлантического альянса, в свою очередь, НАТО активно распространяет этот порядок в доступные для него уголки мира. Такая Империя не имеет своего территориального центра – структуры метрополии «размыты». В частности, и в США, и в странах Евросоюза присутствуют как «центральные учреждения метрополии», так и ее «периферия».

Правда, реализация означенной имперской модели сегодня находится под вопросом, прежде всего из-за того, что у США нет той пассионарности, которая обеспечила бы имперское владычество. Наглядное тому свидетельство – неудачи в Ираке, как и безрезультатные попытки распространить зону свободной торговли на Южную Америку. Мировые центры силы в полной мере не способны диктовать свою волю планете, а потому вынуждены договариваться. Вследствие этого то, что ныне обозначено как Империя, более походит на **Глобальную Корпорацию**², основанную на принципах американской корпоративной модели.

² Гуцал А.Ф. Украина перед выбором новой внешнеполитической парадигмы // День, 2003, № 230.

Движущей силой глобализации и становления так называемой Глобальной Корпорации являются **транснациональные корпорации** (ТНК). С одной стороны, происходящее в мире активное слияние и укрупнение финансово-промышленных групп является наглядным подтверждением и олицетворением глобализации, с другой, интенсивное структурирование мирового экономического, социального и политического пространства осуществляется прежде всего в интересах эффективной деятельности ТНК. Это обратная сторона глобализационной медали, которую особо и не афишируют, но в этой работе активно задействованы государства, использующие дипломатические инструменты для решения вопросов «своих» транснационалов.

«Газовый кризис» вывел на поверхность и иные аспекты всемирной транснационализации. Действия «Газпрома» засвидетельствовали его готовность активно решать вопросы политического характера не только в национальном, но и международном масштабах (ранее себе такое позволяли только американские ТНК). Более того, для обеспечения международной «политической крыши» крупных транснациональных энергетических проектов сегодня Кремлем и «Газпромом» активно привлекаются крупнейшие мировые политики. «Первой ласточкой» стал германский экс-канцлер Герхард Шредер на посту главы наблюдательного совета Северо-Европейского газопровода. Далее можно выстроить достаточно внушительный иконостас нынешних и будущих «экс-сов»: Сильвио Берлускони, Тони Блэр, Жак Ширак, Владимир Путин...

В свете нарастания тенденций политизации российских ТНК, активного захвата ими европейских рынков при сохраняющейся непрозрачности их бизнеса совершенно по-иному выглядит «обеспокоенность» Дика Чейни, высказанная им в Вильнюсе, тем, что *«нефть и газ становятся инструментами запугивания и шантажа»*. Уж кому-кому, а американскому вице-президенту доподлинно известно о потенциале властных возможностей энергетических ТНК.

Европейский Союз являет собой успешный (в первую очередь в социально-экономическом плане) интеграционный проект **регионального** уровня. В сущности, в основу его социального порядка заложены (хотя и официально не артикулируются) идеи **солидаризма**, а в фундамент политических и экономических учреждений – идеи и практика **нео-корпоративизма**. В основе европейской интеграции лежит культура общей жизни, формировавшаяся на протяжении последних столетий европейской истории, в которой доминируют *норма и право*.

Неспособность США ныне реально возглавить процесс формирования глобальной Империи все больше подталкивает Объединенную Европу к тому, чтобы стать игроком глобального уровня, а матрицу Евросоюзного устройства сделать базовой для нового мирового институционального порядка. **Вероятно, именно в разности подходов к синтезу Нового миропорядка и заключается принципиальное противоречие между США и Европейским Союзом.** Правда, в Европе пассионарность и вовсе отсутствует, а основными движителями являются Порядок и Процедура.

Нельзя не обратить внимание на то, что костяк Евросоюза составили государства-метрополии некогда могущественных империй, что генетически обусловило своеобразную европейскую «имперскость». Ряд европейских исследователей обращают внимание на то, что в **современной практике европейской интеграции активно представлен богатый опыт имперского прошлого большинства государств «старой» Европы.** Интересно наблюдение Йозефа Бёроча (Börcz), выделившего четыре характерных особенности того, что он означает как «имперский порядок»: *неравный обмен – центростремительные потоки экономических ценностей; «колониальность» – ментальное «картографирование» населения империи, которое формирует устойчивую систему принижения Другого; экспорт управленческих практик посредством создания нормализующих, стандартизирующих и контрольных механизмов современного государства; геополитика – приспособление вышеизложенного к потребностям долгосрочной глобальной стратегии, проецирующей власть Центра на внешнее окружение*. Как считает Бёроч, именно в **«расширении на восток» легко распознаются некоторые институциональные элементы колониального имперского порядка.**

Для понимания того, как выстраивается система отношений ЕС с соседними странами, необходимо обратить внимание на еще одну характерную особенность «европейской имперскости». Бёроч указывает

на наличие двух типов империй: пространственно разделенных, для которых характерно наличие заморских колоний – Великобритания, Франция, Испания, Португалия, Бельгия, Дания, Италия (в некоторых странах заморские территории подконтрольны метрополиям и сейчас, а Великобритания переформатировала бывшие имперские отношения в Британское Содружество); пространственно смежных – Германия, Австро-Венгрия, Османская империя, Россия, Китай), характеризовавшихся территориальной целостностью³.

³ Малинова О.Ю. Имперский опыт: прошлое или будущее Европейского Союза? // Политическая наука: Современнные империи: Сборник научных трудов. М., 2004.

ЕС большей частью является носителем культуры пространственно разделенной империи. Для этого типа империи характерно четкое размежевание и высокие барьеры между центром и периферией, которые призваны поставить преграды перед миграционными потоками с периферии (сегодня это наблюдается в стараниях активно сдерживать трудовую миграцию даже из новых стран-членов). В этой системе отношений «другой» наделается четкими и ясными качественно отличительными признаками. Отсюда и менторский тон в отношениях с «аборигенами», и непрерывная череда поучений, и стремление устраивать бесконечные «испытания». Деструктивные отголоски этой «имперскости» проявляются и в бунтах арабской молодежи во Франции, которая даже во втором поколении оказалась не интегрированной во французский социум (вероятно, в силу означенного выше ментального «картографирования»), и в росте ксенофобии в благополучных странах еврозоны.

Такая «евроимперскость» имеет и свои «бело-пушистые» особенности, которые наглядно проявляются в том, что при решении вопросов еврорасширения приоритет отдается благоустроенным «малым формам» (малым странам), частям «павших» империй. Соответственно, именно небольшие страны ощутили все позитивы от членства (Ирландия, прибалтийские государства), в то время как с большими есть проблемы (в частности, с Польшей). Развал Югославии с последующим последовательным присоединением фрагментов – наглядное тому подтверждение. Характерно, что основным доказательным аргументом в поддержку независимости Черногории стало утверждение, что без Сербии стране легче будет вступить в ЕС.

Английский политолог Джон Лафлэнд (Laughland) обращает внимание на другой актуальный аспект нового европейского «имперского»: «...конструкция Евросоюза основана на неудержимой централизации власти в руках учреждений, которые не подотчетны, не выборные и не демократичны»⁴.

Нынешние европейские трудности с принятием Конституции, нарастание неудовольствия общеевропейской политикой в отдельных государствах и в отдельных сегментах социального бытия свидетельствуют о том, что Европа стоит на пороге серьезных изменений. В силу отсутствия волевого начала и высокой культуры консенсуса авторитаризм Европе не грозит. Одновременно Евросоюз стремится обезопасить

⁴ John Laughland. Ein Verrat an der Demokratie // Die Welt, 26.06.2004.

себя и от мощных и жестких соседей, что объясняет такое неприятие усиления центральной власти в России.

И если Брюссель не будет ощущать жесткого давления Москвы и не поддастся русофобским настроениям определенной части европейских интеллектуалов, Евросоюзу удастся удержаться в формате демократических процедур. В этой связи дополнительный толчок может получить **открытый метод координации**, являющийся формой политического управления, которая развивается в русле широкого внедрения т.н. «мягких механизмов» и предусматривает формирование единых концепций, установление единых целей и стандартов, и на их основе – периодический мониторинг и экспертную оценку национальных систем⁵.

Региональные интеграционные процессы по отношению к глобальным находятся на более низкой иерархической ступени. Это означает, что в региональной и национальной политике глобальные факторы все же имеют высший уровень приоритетности. Но вместе с тем и успешность глобализационных процессов зависит от наличия соответствующей региональной «опоры». Более того, **ряд региональных проектов**, в частности, таких, как ОЧЭС, «Вышеградская четверка», ГУАМ и др., *создавались и развиваются в русле проецирования глобального порядка на национальные уровни, создания промежуточных структур в интересах активизации глобальных и мегарегиональных интеграционных проектов.*

Взаимозависимость процессов, происходящих на разных уровнях иерархии, устанавливает Закон Седова (так называемый **Закон Иерархических компенсаций**): *«В сложной иерархической системе рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях. И наоборот, рост разнообразия на нижних уровнях разваливает (дезорганизует) верхний уровень организации»*⁶.

Соответственно, ниже регионального уровня – уровень национальный, местный и т. д.

Действенность Закона наглядно подтвердили последние европейские события. Неприятие Европейской Конституции на референдумах во Франции и Голландии (фактический рост разнообразия на национальных уровнях) существенно приостановили процессы европейского объединения.

Закономерно, что дальнейшее развитие глобализационных процессов требует порядка на региональных и национальных уровнях – возможно, в этом и кроются фундаментальные причины стремлений ведущих сил глобализации наводить порядок во всех уголках мира. В этом свете более понятными становятся требования ЕС и НАТО к кандидатам в члены этих организаций по части внедрения жестких государственных процедур и т. п. Вместе с тем внутри самого Евросоюза Брюссель пытается вести диалог не только с национальными столицами стран – членов ЕС, но и непосредственно с регионами, поощряя такие транснациональные образования, как еврорегионы.

⁵ Громогласова Е., Стрежнева М. Признаки нового этапа в институциональной эволюции ЕС // *Мировая экономика и международные отношения*, 2005, № 9.

⁶ Седов Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // *Общественные науки и современность*, 1993, № 5.

Из Закона Иерархических компенсаций становятся понятными и причины низкой эффективности интеграционных процессов на постсоветском пространстве – отсутствует упорядоченность и слишком высок уровень конфликтности на национальных уровнях.

Интеграционные процессы происходят не сами по себе, а тесно связаны с реализацией государствами и обществами, которые объединяются, собственных жизненно важных интересов. В частности, для современной Объединенной Европы основополагающими были идеи обеспечения *стабильности и материального благополучия* на континенте после Второй Мировой войны, *создание условий, исключающих реванистские рецидивы со стороны Германии*. И эти задачи успешно решены. Однако в ходе дальнейшего расширения бюрократические механизмы ЕС весьма медленно перестраиваются на решение таких перспективных задач, как кардинальное усиление безопасности в ответ на новые вызовы, активные экономические преобразования с учетом изменений мировой конъюнктуры. Да и к Германии, которая является «ломовой лошадкой» европейской экономики, сегодня уж нет былого почтения, особенно со стороны «новой» Европы. Пример тому – ситуация вокруг строительства Северо-Европейского газопровода.

В то же время нынешние мировые приоритеты существенно изменились в сравнении с теми, что были в повестке дня в начале 50-х годов прошлого столетия. Для обеспечения надежного будущего необходим прежде всего *надежный доступ к энергоресурсам*. Энергетический фактор сегодня уже сам по себе стал глобальной категорией. Так, контроль Россией значительной части мировых энергетических ресурсов даже в большей мере, чем имеющийся ядерный потенциал, вынуждает ЕС и США с ней договариваться.

Более того, «оседлавший» стратегические ресурсы может позволить себе игнорировать другие глобальные факторы. Характерным тому подтверждением является особое поведение лидеров стран, имеющих широкий доступ к энергосырью, – Саудовской Аравии, Венесуэлы, Туркменистана, Ирана, в свое время Ливии. Сегодня этим все больше пользуется Россия. Китай, как торговый и инвестиционный «тигр», в свою очередь, мало озабочен критикой США и ЕС по вопросам недемократичности.

В сетях страстей

Наряду с усилением интеграционных процессов в мире происходит нарастание явлений иного порядка. Сегодня мир все более становится одержимым **Страстями**. Человейник (по Зиновьеву) требует Зрелищ. Те, кто «наверху», в большинстве жаждут любви и почитания. Да и нынешняя мировая обеспокоенность угрозой глобального терроризма и «птичьего гриппа» обуславливается не столько потенциальными разрушениями и жертвами, сколько сформировавшейся **аурой тотального страха**⁷. Страсти играют двоякую роль в человеческой истории. С одной стороны, они придают дополнительный импульс и создают позитивный

⁷ Гуцал А.Ф. «Империя страсти» как предтеча Нового Мирового Порядка. Необходимо изгнать торговцев не только из храмов, но и из обще-

ственно-политической жизни!
<http://www.politua.ru/concept/12.html>

эмоциональный фон объединительным процессам. С другой, – становятся своеобразными антиподами интеграции, подпитывая антиглобализационные движения, беспощадно разрушая и фрагментируя отдельные цивилизационные и национальные «строения».

Так, анализ деструктивных процессов, наблюдающихся сегодня в украинско-российских отношениях, требует учета не только геополитических, геоэкономических, исторических факторов, но и социально-психологических особенностей процессов становления и развития двух соседних наций. В частности, реакция массового психоза в форме «соляного кризиса» в экономически благополучной России, как и рост взаимных фобий в обеих странах, являются **психоземotionalными отголосками определенного исторического перелома в отношениях между украинской и российской элитами и обществами**. Этот перелом ныне обозначился сдвигами в массовом сознании в русле формирования (на Украине) и реформирования (в России) **национальных идентичностей**.

Пока этот процесс находится в своей начальной фазе: психологические границы национальных идентичностей еще четко не очерчены, и оба народа бессознательно ощущают себя разделяющимися частями некогда единого целого – бывшего СССР (несмотря на постоянное акцентирование суверенности и независимости). Состояние подобного симбиоза характеризуется тем, что одна часть псевдоцелостности (украинцы или россияне) нередко воспринимает другую половину как свою «испорченную» копию (недемократичную, криминальную, иждивенческую и т. п.). На нее, как правило, проектируются собственные комплексы, проблемы и страхи. Отсюда проистекают попытки отождествления себя через отрицание другого по принципу «Украина не Россия». Другой пример специфического восприятия и реагирования – упоминавшийся выше «солевой психоз» у россиян, который развивался в контексте обострения отношений именно с Украиной.

К тому же эти психические комплексы получают огромную эмоциональную подпитку со стороны. Украина в ходе «помаранчевой революции» собрала значительное число почитателей в США и Европе, вследствие чего определенная часть украинской элиты продолжает и далее пребывать в состоянии эйфории – отсюда имевшие место демарши в отношении Москвы, Минска, Ташкента, Ашхабада, Баку и Бишкека. На Западе и в Центре Украины усиливается русофобия при сохраняющихся в обществе чрезмерно высоких иждивенческих настроениях в отношении России – «она нам должна... (далее по списку)».

В свою очередь, российское общество и элита, болезненно пережившие революционный всплеск в Украине, переносят на новую украинскую власть весь негатив, связанный с развалом СССР, нереализованным потенциалом сотрудничества в рамках СНГ и ЕЭП. На украинском направлении (как, впрочем, на польском и балтийском) Москве также не удастся избавиться от разрушительных эмоций, подкрепляющихся сонмом исторических аналогов.

В своей естественной глубинной логике нынешние украинско-российские отношения воссоздают конструкт взаимоотношений двух родственников, которые поссорились и почти не разговаривают между собой. Но все их естество демонстративно направлено на то, чтобы на собственном примере доказать другому, как надо жить правильно.

Россия и прямо, и косвенно на внутренней и международной арене старается «докричаться» до Украины относительно того, как важны для хрупкой постсоветской экономики управляемость, наличие стабильных и стойких социально-экономических связей. Украина же настойчиво демонстрирует важность обновления и динамизм в общественно-политической сфере, приоритетность общечеловеческих ценностей. По сути, государства и общества разговаривают на разных языках: в Украине доминирует морально-нравственный дискурс, который сформировался в условиях «помаранчевого» революционного подъема; в России – «прагматически-управленческий». Как следствие, коммуникативные связи катастрофически рушатся.

Украинско-российские проблемные отношения последнего десятилетия до последнего времени выстраивались в соответствии с *моделью психологической игры*. В ее рамках главная борьба разворачивалась вокруг таких базовых символов-переживаний, как «дружба», «любовь», «особые отношения», а угрозы типа «изменения вектора стратегического партнерства» и конфликтные ситуации не разрушали общего комфортного фона взаимоотношений и даже стимулировали наличие своеобразного дополнительного удовлетворения. Оттого провозглашение таких, казалось бы радикальных, мыслей и идей, как «Украина не Россия» или «европейская и евроатлантическая интеграция Украины» ранее в качестве угроз не воспринимались.

Отличие нынешней ситуации заключается не просто в очевидном ухудшении межгосударственных отношений, а в *радикальном изменении их модели*. Характерные особенности этой модели: необратимая трансформация «своих» в «чужих»; неотличимость своих собственных переживаний и их проекций на «чужого» от его объективных характеристик (при этом статус «чужого» приравнивается к статусу «врага»); дискомфортный психоэмоциональный фон взаимоотношений с постоянной эскалацией негатива; возрастание вероятности деструктивного исхода в случае возникновения тупиковых или форсмажорных обстоятельств.

Лавинообразное ухудшение украинско-российских отношений, начавшееся с момента инициирования пересмотра цены на газ, свидетельствует, что при условии сохранения этой тенденции на ближайшую перспективу последствия для взаимоотношений двух стран и народов из-за сформировавшегося стойкого психопатологического ядра во взаимном позиционировании сторон могут оказаться катастрофическими. Выброс в публичное пространство Украины и России слова «война» (что было немислимо ранее) не только обозначил предель-

ный сценарий деструктивного исхода, но и стал наглядным свидетельством того, что оба государства действительно находятся у «опасной черты».

Тем более, что технологии организации массовых психозов во внутривнутриполитическом и локальном региональном масштабах достаточно отработаны. Во многом они аналогичны тем, что используются в международной практике. Характерные тому примеры: нагнетание эмоций со стороны США вокруг Ирана по поводу его ядерной программы; «карикатурный скандал»; ситуация вокруг выборов в Беларуси; эскалация напряженности в российско-грузинских отношениях и т. п.

Об активном втягивании Украины в психотическую игру, подобной той, в которую оказались втянуты Иран и Грузия, свидетельствует цепь «психотичных отыгрываний» в формате последовательных радикальных заявлений и определенных показательных акций в украинско-российском противостоянии. Так, «отыгрыванием» «газового кризиса» стал «спор» о ЧФ и маяках, на что российская сторона ответила ограничениями на ввоз животноводческой продукции, а Украина парировала дискурсом о целесообразности выхода из СНГ. Новые очаги эскалации обозначены мартовскими событиями вокруг Приднестровья, «антиНАТОвским движением в Крыму и на Юге Украины», на что Украина ответила объявлением персонами нон грата К.Затулина и В.Жириновского и т. п.

В этом свете серьезной ошибкой российского и украинского внешнеполитического чиновничества стало следование в русле предложенного политтехнологами сценария «психотического глухого угла». В частности, ряд радикальных действий и заявлений отдельных официальных лиц российская сторона трактует как откровенно антироссийские, а украинская – как антиукраинские, что усиливает опасность трансформации двусторонних отношений во враждебные.

**Украина
в региональных
интеграционных
проектах**

Европейский и евроатлантический выбор Украины, по сути, является символическим олицетворением стремления украинской элиты и общества перестать жить в «эпоху перемен» и достичь своей «земли обетованной». В контексте европейских приоритетов это желание присоединиться к пространству *стабильности и материального благополучия*. Но такой выбор обуславливался не взвешенными расчетами, а желаниями и эмоциональными реакциями, иллюзорным представлением о «европейской идентичности» украинцев (вероятно, в историческом контексте это так, но с современными реалиями абсолютно не корреспондирует), возникшим на этапе «бегства от коммунизма». Вместе с тем стремление украинцев выстроить свою идентичность с опорой на морально-нравственные начала оказалось созвучным приоритетности для Брюсселя общеевропейских ценностей.

В своей основе европейский и евроатлантический выбор Украины сегодня базируются на сугубо иррациональных факторах. Вме-

сте с тем *на рациональном уровне для украинской элиты Объединенная Европа представляется наиболее эффективной и привлекательной моделью развития современной цивилизации*, в которой динамическая экономика и технологический прогресс удачно гармонизированы с повышением стандартов жизни и защитой прав человека, а межгосударственные отношения формируются на демократических началах, равноправии сторон и общем консенсусе. К тому же европейская общественность, очарованная морально-нравственными императивами украинской революции, продолжает демонстрировать украинцам комплиментарность. А потому-то Украина выразила готовность принять эту модель, провозгласив полноценную и полномасштабную *интеграцию в европейское и евроатлантическое сообщества* в самом жестком формате – **присоединении**.

Однако в условиях отсутствия самодостаточных внутренних стимулов развития Украина становится внешне обусловленной, и фактически *выбирать ей приходится между двумя имперскими порядками – «американо-западноевропейским» и «российским»*. Именно в этой плоскости и формируется реальный выбор. Спасаясь от российской (советской) «имперской реальности» (относительно которой не высказался разве что ленивый), Украина готова отдаться в лоно «американской и европейской имперскости» (о чем сегодня даже в научно-экспертной среде речь не идет). Возможные отрицательные последствия *цивилизационной переформатизации*, которую вынуждено будет осуществить общество в соответствии с брюссельскими предписаниями, не исследуются.

Система отношений Украина – ЕС, похоже, выстраивается в соответствии с канонами обозначенной Бёрочем «пространственно разделенной имперскости» с соответствующим размежеванием и высокими барьерами между центром и периферией. В таких условиях Украина, если просто будет «плыть по течению», может переформатироваться в придаток к Европейскому Союзу.

Как это ни парадоксально, старания Украины ударными темпами покончить с остатками советской социальной «имперской культуры» сегодня больше вредят отношениям страны с Евросоюзом. Все же ЕС, как альянс бывших имперских метрополий, является носителем соответствующего имперского управленческого опыта. А потому, по всей видимости, ЕС легче договориться с империями (как то с Россией и Китаем), чем с «антиимперской» Украиной.

Однако Украина как бы не замечает все этих проблемных вопросов. Причина, похоже, кроется в том, что именно Европа и США стали «повивальными бабками» новых политических режимов и в 91-м, и в 2004-м гг. Они воспринимаются в Украине как «родные» (точно так же, как цыпленок признает за мать любое животное, оказавшееся рядом в момент появления на свет). До 2004 г. украинское общество и вовсе пребывало в «растительном» состоянии, уходя от решения проблем. И только общественно-политическая активность последних лет засвиде-

тельствовала первый своеобразный «экзистенциальный кризис», от успешного решения которого будет зависеть дальнейший ход процессов формирования национальной идентичности. На выходе из этого кризиса Украина должна обладать своей «национальной самостью», т. е. умением вести себя как субъект в решении внутренних и международных вопросов.

К сожалению, новая украинская элита продолжила курс в русле патерналистских настроений с той лишь разницей, что после 2004 г. политически она переориентировалась с Востока на Запад. При этом страна в основном приняла предложенные западным миром правила интеграционной игры, признав «честными» ранее упоминавшиеся имперские атрибуты: *глобальный порядок, тотальный контроль, имперскую идею мира и справедливости, неравный обмен* и даже «*ментальное картографирование*», как и экспорт управленческих практик и пр. Правда, с внедрением управленческих процедур происходят технологические срывы. А вот с чем Украина пока не может смириться, так это с необходимостью принять идеи *трансграничности*, вследствие чего еще ведет борьбу за остров Змеиный, Азовско-Керченскую акваторию, косу Тузла. Но силы явно не равные, да и мировые тенденции отнюдь не на стороне Украины.

Включение же в интеграционные процессы при отсутствии национальной субъектности чревато продолжением политического инфантилизма с последующим превращением нации в реликт, либо ее фрагментацией на землячества, кланы, корпорации, семьи и другие мелкие социальные структуры.

Правда, в отмененной глобальной покладистости не стоит искать чего-то сознательного злого умысла, направленного на смену вектора геополитической ориентации. Скорее всего, Украина проявила готовность переподчиниться более влиятельному мировому порядку – а приказы в Украине любят и умеют исполнять и с удовольствием, и с особым рвением.

Интеграционные процессы на пространстве Содружества имеют иную, отличную от европейской природу. Интеграционным движителем, скорее всего, выступают не интересы совместного развития, а **опасения тупиковости раздельного пути.**

Так, известный российский ученый, директор Института международных экономических и политических исследований РАН Руслан Гринберг считает, что *«на ближайшую перспективу государства СНГ могут двигаться в русле двух основных сценариев: сформироваться в качестве придатков (сырьевых, человеческих, экологических «мусорников» и т. п.) центров экономической силы; или развиваться в направлении создания самостоятельного экономически сильного ядра»*. В поддержку реализации сценария самостоятельного экономического развития он приводит множество факторов, в частности: *возможность сформировать довольно большой и однородный региональный рынок в более чем 200 млн. потребителей; технологическая*

общность производственного потенциала из-за ее низкой конкурентоспособности на других рынках; взаимодополняемость по основным видам промышленного потенциала; довольно высокая социальная-культурная общность населения и др.⁸

⁸ Гринберг Р.С. Союз по расчету. Экономическому // Экономическая газета, 2005, № 10.

Можно также дополнить, что важнейшим стимулом интеграции могло бы стать **формирование и проведение общей энергетической политики**, которая бы включала добычу, транспортировку и высокий уровень переработки энергосырья. Именно это направление вписывается в приоритеты мирового развития и могло бы стать ключевым в развитии **Единого экономического пространства**.

К сожалению, на практике эти вопросы в широком формате не ставятся и не решаются. Более того, в ряде стран СНГ набирают оборотов **дезинтеграционные процессы**. А потому Руслан Гринберг небезосновательно считает, что *дезинтеграция на постсоветском пространстве с большой вероятностью в ближайшие 10–15 лет может вызвать не только стагнацию экономики одних государств, но и политическую дестабилизацию в других, а для окончательного «развода» Содружества достаточно ликвидации взаимных льгот и введение визового режима поездок граждан* (ныне и в этом направлении – с открытием дискуссии о целесообразности пребывания в СНГ Грузии и Украины – «лед тронулся»).

Причины доминирования центробежных тенденций в СНГ скрупулезно исследованы и описаны. В частности, обращается внимание на: прекращение львиной доли взаимосвязей вследствие перехода народного хозяйства на рыночный режим; отсутствие равноправия в силу экономического доминирования России над другими; высокая привлекательность Европейского Союза и чрезмерное желание части стран СНГ попасть туда; ярко выраженные анти-СНГ-иные настроения Запада, за которыми скрывается преувеличенный страх определенной части элиты перед возможностью возрождения могущественной советской империи. Более того, **закрытым оказалось и «окно возможностей» для полноценной интеграции СНГ не только сегодня, но и на обозримую перспективу**. Обуславливается это тем, что стабильный интеграционный эффект наступает только при условиях, когда мероприятия по взаимному уничтожению барьеров на пути движения товаров, услуг и производственных факторов (т. н. «отрицательная» интеграция) гармонично дополняются разработкой и проведением согласованной экономической политики, направленной на достижение основных целей стран участниц («положительная» интеграция)⁹.

⁹ Гринберг Р.С. Вектор структурирования постсоветского экономического пространства // Россия и современный мир, 2004, № 1.

Однако национальные элиты определенной части стран СНГ **приоритетно обеспокоены решением вопросов борьбы за власть и ее упрочения внутри своих стран**, вследствие чего и с внешним миром взаимодействуют в основном в форме конкуренции. В результате в СНГ функционирует только некое подобие «отрицательной» интеграции. В частности, украинская позиция состоит в том, что под интеграцией

прежде всего понимается взаимовыгодный экономический обмен между странами (на уровне зоны свободной торговли), исключающий возможность внедрения действующих наднациональных экономических учреждений, которые необходимы для развития «положительной» интеграции. Причины достаточно ясны – **никто не согласится делегировать полномочия (даже экономические) международным структурам, если нет уверенности в прочности власти в собственной стране, а тем более отсутствует доверие к партнеру.**

Таким образом, пока власть не стабилизируется на национальном уровне, никакое правительство не только не станет серьезно рассматривать интеграционные проекты, но и не будет способно их реализовывать. Похоже, сегодня это осознано российское руководство. Послание Президента Федеральному Собранию РФ на 2006 г. наглядно засвидетельствовало смещение приоритетов в направлении реализации социально-экономических проектов, привлекательных для населения своей страны и ближнего зарубежья, усиления атрибутов национальной государственности, прежде всего такого института, как Вооруженные Силы, актуализации интереса к ближайшему международному окружению.

Проблематичность развития интеграционных процессов в СНГ в значительной степени объективно обуславливается высоким уровнем неупорядоченности и даже конфликтности политических систем и государственного менеджмента ряда стран-участниц Содружества (в соответствии с Законом Седова). Вместе с тем продолжающаяся фрагментация постсоветского пространства носит более глубокий характер, истоки которого коренятся в том, что «живительными соками» дезинтеграции СНГ все еще активно «подпитываются» процессы глобализации, европейской и евразийской (в т. ч. ШОС, ЕврАзЭС) интеграции.

В качестве «теоретических обоснований» трудностей постсоветской интеграции Украиной выдвигаются тезисы об угрозе «потери независимости», «несоответствии наднациональных органов Конституции страны». Однако по сути это отговорки, которые только подчеркивают «двойственность стандартов» в оценке мировых реалий (в отношении вступления в НАТО и ЕС данные вопросы и не поднимаются) и одновременно в очередной раз подтверждают «деинтеграционную» акцентуацию украинской элиты (о чем говорилось раньше).

А одно из наиболее упоминающихся заблуждений о невозможности одновременной интеграции в ЕС и ЕЭП, как видится, носит и вовсе виртуальный характер – намерение вступить в ЕС, или выполнение «брюссельских упражнений», ошибочно расценивается как непосредственный интеграционный процесс. А поскольку проводимые реформы ориентированы на нынешнюю модель ЕС, а не на ту, что будет через 20–30 лет, существует реальный риск растратить и без того ограниченные ресурсы на внедрение затратных мероприятий, которые могут оказаться бесполезными в будущем.

Закономерно, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве более активно развиваются между теми странами, которые

достигли стабильности (Казахстан, Беларусь, Россия). При этом для России решение вопросов интеграции собственного народного хозяйства во многом аналогично интеграции в рамках СНГ. Более того, интеграционные процессы на постсоветском пространстве являются важным элементом в системе укрепления власти в самой России, в т. ч. посредством усиления трансграничных связей и транснациональных корпораций по принципу *«что хорошо для «Газпрома» – хорошо для России»*.

В свою очередь, вследствие недостаточного внимания и даже игнорирования интеграционных процессов с российским участием, Украина существенно теряет выгодные позиции в решении приоритетных для страны вопросов. Прежде всего это касается возможностей широкого доступа к энергоресурсам (как здесь не вспомнить, что в свое время участие в иракской операции украинские политики активно мотивировали именно возможностью доступа к нефти), ускорения темпов экономического роста, развития высокотехнологических производств.

Куда идти?

Украина стремится принимать активное участие в международных делах. Похоже, в силу разных обстоятельств ныне она просто обречена на такую активность. Причины, вероятно, коренятся в том, что именно во внешнем мире происходят (по мнению элиты) знаковые для формирования украинской национальной идентичности процессы. В частности, и саму независимость Украина получила вследствие московских «разборок», к которым имела весьма косвенное отношение.

Отрицая социальный опыт советского и имперско-российского периода, украинскому социуму крайне трудно найти надежную опору в историческом прошлом. Международная практика, по крайней мере, дает видимость успешности такого поиска. А потому Украина будет и далее настойчиво стремиться участвовать в интеграционных процессах глобального и регионального уровней.

Необходимо признать, что в глобальных консолидационных процессах Украина весьма преуспела, прежде всего в тандеме с Грузией, о чем свидетельствует высокий международный резонанс проекта «Содружество демократического выбора». Правда, реверсной стороной этого «прорыва» стало игнорирование экономических (прежде всего энергетических) интеграционных проектов с участием России и заторы на пути экономического развития. Формально соединить эти два начала Украина пытается в рамках Организации за демократию и экономическое развитие ГУАМ, правда, пока в режиме имитации.

К сожалению, сегодня можно констатировать неадекватность намерений и действий официального Киева. Его действия в формате многосторонних межгосударственных отношений и интеграционных проектов для решения фундаментальных для нации вопросов – не то что не обеспечивают устойчивого развития, но и просто выживания. Причины такого состояния дел коренятся как в поверхностных ситуационных (прежде всего корыстных) предпочтениях современной украинской

политической элиты, так и в глубинных основах культуры украинского социума¹⁰.

¹⁰ Гуцал А. Ф.
Украина между
прошлым и буду-
щим // Зеркало не-
дели. № 25. 24–
30 июня 2000 г.

Особенно бросается в глаза **низкий уровень рациональности решений и прагматизма действий**. В социуме не развиты коммуникативные традиции, что в условиях высокой эмоциональности и морализаторства украинцев делает любые договоренности недолгосрочными. Процесс создания правительственной коалиции после выборов 2006 г. стал наглядным тому свидетельством.

Вследствие этого при выборе направлений для интеграционных усилий Украина, похоже, уже незаметно проскочила свой «момент истины» и ориентируется на виртуальные цели, достижение которых отнюдь не обеспечивает успех в современном мире. Более того, следование в русле указанной виртуальности сегодня ведет к усилению общественной конфронтации и фрагментации страны.

Украину активно подталкивают извне к радикальным решениям и действиям. Складывается впечатление, что Запад либо не осознает угрозы, либо уже готов к возможным сценариям распада Украины. Формально это не вписывается в логику официальной европейской позиции. Однако если принять во внимание реальную практику процессов евроинтеграции, то «австро-венгерская» часть Украины вполне социокультурно вписывается в Объединенную Европу и в соответствии с определенной процедурой может ею стать.

В свете таких мрачных перспектив **важнейшим в нынешней внешней политике Украины, как представляется, должен стать принцип – «мыслить глобально, действовать локально»**. Мыслить глобально – думать системно и стратегически, учитывать все разнообразие факторов, взаимосвязей и взаимовлияний, особо при этом выделяя ключевые звенья. Именно от уровня адекватности реагирования политики на глобальные вызовы и зависят достижения или потери страны.

Это требует существенного повышения *интеллектуальной* составляющей политики, прежде всего информационно-аналитического обеспечения процессов принятия государственных решений во внешнеполитической сфере. Необходимо наладить универсальную систему мониторинга событий и процессов, которые происходят в регионах планеты, где представлены украинские интересы, включая анализ тенденций мирового развития, особенностей позиций и интересов других государств. Не менее важно создать надежную систему не только политических, но и экспертных коммуникаций (в последнее десятилетие именно эта сфера деятельности, развиваясь успешно на западном направлении, оказалась блокированной на восточном, наглядным свидетельством чего стала редкость украинско-российских внеполитических научных контактов).

Только так Украине можно будет свободно двигаться в фарватере мирового развития, своевременно реагировать на современные вызовы, взаимодействовать с партнерами в приемлемых для них форматах и по вопросам, представляющим реальный общий интерес, уберечься от

неосмотрительных шагов, непродуманных действий и заявлений и в целом сделать внешнюю политику максимально продуктивной.

В своих международных коммуникациях Украина должна быть одинаково открытой и восприимчивой для всех интеграционных проектов как глобального, так и регионального уровней. Вместе с тем необходимо осознать, что интеграционные возможности Украины, как на западном, так и на восточном векторах весьма ограничены. А потому во взаимоотношениях и с Западом, и с Востоком Украине целесообразно было бы ориентироваться не на вхождение, а на максимальную интеграцию в их экономические, социальные организации, а также структуры безопасности. Спектр возможностей для **гармонизации «разновекторных» интеграционных проектов** узок, но он есть, а исполнение зависит исключительно от политической воли руководства страны.

Трудно не заметить, что **реальному сближению Украины с Евросоюзом могли бы служить интеграционные процессы в Содружестве независимых государств, направленные на развитие глобальных ресурсов, прежде всего энергетических.** Это наглядно подтверждается активной политикой России по интеграции в европейские социально-экономические структуры, в частности, в реализации «дорожных карт» по созданию общих пространств экономики, свободы, безопасности и правосудия. Кстати, российские подходы и способы решения имеющихся проблем в отношениях с ЕС довольно близки к уже упоминавшемуся открытому методу координации.

Активность отношений РФ – ЕС обуславливается и тем, что они вписываются не только в приоритетные направления мировых интересов (безопасность, энергетика и т. п.), но и адекватно отвечают особенностям глобализационных процессов, активно опираются на общность интересов транснациональных корпораций (связи ТНК-ВР, «Газпром-Рургаз» – наглядные тому примеры). Россия является ключевым геостратегическим игроком в регионах особого внимания Евросоюза, где ЕС имеет слабые позиции (Центральная Азия, Ближний и Средний Восток – именно там, где Украина в последнее время свои позиции потеряла).

Не менее важной зоной внимания являются **украинско-российские межгосударственные отношения**, пребывающие ныне в своей критической фазе. Эта критичность определяется тем, что ни одна из сторон ситуацией уже не управляет (по принципу *«Аннушка масло уже пролила...»*). Но стремиться к тому, чтобы избежать худшего – необходимо.

Здесь никакие интеграционные потуги, к сожалению, уже не помогут. Прежде всего необходимо каждой из стран критически присмотреться к себе, в т. ч. через призму развивающихся в мире опасных тенденций. Первым шагом от «опасной черты» может стать стремление **беспристрастно слушать и слышать друг друга и адекватно реагировать на глубинные послания другого.** Необходим плотный многоуровневый, взаимосвязанный диалог между президентами, премьерами,

политическими партиями, парламентариями, предпринимателями, учеными и экспертами. Такой диалог и призвана была начать (но практически еще не начинала) комиссия «Ющенко–Путин».

Наиболее приемлемым в нынешних «конфликтотенных» условиях может стать внедрение в систему политических отношений принципа «мирного сосуществования», что обеспечило бы временную консервацию двусторонних и многосторонних связей в сферах, где происходит эскалация напряженности. Необходимо наложить табу на любые акции или заявления официальных лиц обеих государств, а по возможности и со стороны других субъектов (средств массовой информации, политических партий, общественных организаций, известных лиц), которые содержат демонстративную враждебность друг к другу. В случае провокаций с любой стороны проявлять максимальную сдержанность и действовать в русле их минимизации.

Украине и России необходимо разобраться с совместной историей. Вопрос не только в написании согласованных учебников. Гораздо важнее создать механизмы влияния на массовое сознание в обеих странах, которые бы позволили нейтрализовать взаимные обиды, извлечь позитивные уроки из неприятных исторических перипетий. И только устранив негативный психоэмоциональный фон двусторонних отношений, который сегодня работает на их развал, Украина и Россия могли бы приступить к реальному разрешению интеграционных проблем.

Похоже, уже достигнут консенсус в понимании того, что **Содружество стало формой легитимации распада СССР**. При этом продолжает сохраняться социокультурная близость, обеспечивающая высокий уровень общения и связей, что очень важно для формирования единого рынка и гуманитарного развития. В рамках Содружества устойчиво функционирует транспортно-коммуникационная система. Не вредит интересам стран и формат «дискуссионного клуба» глав государств и правительств. Трудно возражать и против функционирования Парламентской ассамблеи СНГ, предоставляющей возможность обменяться мнениями и законодательным опытом. Принимая во внимание нынешние масштабы и возможности криминального мира и высокую прозрачность границ стран Содружества, правоохранительная деятельность, как и вопросы обеспечения безопасности в ответ на глобальные вызовы и угрозы, также являются актуальными.

Экономическая же деятельность (кроме транспорта и связи) сегодня практически уже полностью переведена в двусторонний или многосторонний формат в рамках других организаций. Очередным сигналом к «отбою» в экономической сфере СНГ стало решение России об отмене налоговых и таможенных льгот в рамках производственной кооперации в Содружестве.

Таким образом, обозначив вопросы, по которым наблюдается консенсус, вполне можно было бы выйти на новый Устав, под которым могли бы подписаться все страны.

Сегодня не в интересах Украины упускать возможности, которые представляет проект **Единого экономического пространства**, прежде всего по формированию корпоративных структур, обеспечивающий доступ к энергоресурсам и их доставку. Киеву пора осознать, что уже ее «стараниями» теряет актуальность вопрос о том, сумеют ли Украина и Западная Европа эффективно обеспечить свое энергоснабжение в диверсифицированном режиме. Проблема стоит гораздо острее – будет ли Россия заинтересована приоритетно удовлетворять потребности Европы в энергоресурсах (Украина только транзитная часть этого проекта), или же они будут перераспределены на Восток? В этом контексте именно дружественная (и только дружественная!) России Украина (с ее квалифицированными кадрами энергетиков, машиностроительными и трубопрокатными возможностями) могла бы выступить европейским лоббистом в России.

Пока же по данному вопросу на Украине политические амбиции доминируют над экономическими реалиями. Это привело к встречному нежеланию других членов ЕЭП реализовать принцип разносторонней интеграции и согласиться удовлетворить украинское желание ограничиться только зоной свободной торговли. В результате сегодня наблюдается нарастание отрицательных тенденций в товарообороте с РФ, которые обусловлены политическими факторами (прежде всего, жесткой позицией России относительно евроатлантических стремлений Украины). Происходит также вытеснение Украины с других мировых рынков Китаем. При этом Европейский Союз не готов предоставить Украине экономические преференции (в качестве компенсации за отказ от полноценной интеграции в ЕЭП).

В такой ситуации интеграция Украины в Единое экономическое пространство в формате, предложенном другими его членами, с точки зрения выживания и развития экономики страны сегодня является безальтернативной.

В силу особого значения международных факторов в становлении украинской государственности на современном этапе уникальную роль в формировании международного авторитета Украины может сыграть **Организация за демократию и экономическое развитие ГУАМ**. Уникальную в том плане, что в ее рамках Украина может не только нарабатывать многосторонний международный опыт, но и получить реальную поддержку и опору в вопросах формирования национальной идентичности. Именно в формате ГУАМ, что крайне важно, страны способны непредвзято трансформировать позитивный советский опыт организации совместной общественной жизни и экономической деятельности (в многостороннем формате с участием России на это автоматически накладывается табу). По моему мнению, это – базисный элемент ГУАМ, на который уже настраивается общее стремление совместного обретения «земли обетованной» в Европейском Союзе, как и обеспечения региональной безопасности. В этом контексте весьма не-

желательно включение в организацию инородных для постсоветского пространства элементов.

К сожалению, российские политики и эксперты на эту особенность не обращают внимания – для них более значимо американское влияние на ГУАМ. Но США – это только тактический компонент организации, объективно возникший как представитель глобального мира в условиях неприятия ГУАМ Россией и индифферентности ЕС. А ведь все официальные документы организации направлены на то, чтобы обратить на себя внимания именно Евросоюза

Другим важным направлением Черноморской политики Украины является партнерство в рамках **Организации Черноморского экономического сотрудничества**. Важная роль организации состоит в содействии процессам интеграции стран региона в европейские структуры и механизмы сотрудничества.

При этом особо следует подчеркнуть, что на достойное участие в мировых интеграционных процессах Украина может рассчитывать, лишь погасив потенциальную конфликтность внутри страны.